

20 мая 1977

Наш современник

Шаловит Сочинять Роль

Что ни говорите, а именно с весной связаны обычно наши ожидания радости, исполнения заветных желаний. Майские дни поэтому особенно звонкие, праздничные. И это утро было пронзительно светлым, летним отчасти, солнце рано проснулось. Но еще раньше солнца появились в квартире 53, что в «театральном», как его называют иркутяне, доме по улице Литвинова, гости... Сначала знакомый фоторепортер, услышавший далеко за полночь в передаче «Маяка» известие о том, что «за заслуги в области театрального искусства присвоено звание...» Немного позже, обескураженные тем, что их уже сумели опередить, пришли поздравить своего педагога третьекурсники театрального училища...

Так счастливо начался для Виталия Константиновича Венгера день 13 мая. Расписанный по минутам день, когда и поздравления принимать некогда. Завтра премьера «Материнского поля» по Ч. Айтматову, а еще не доведена до конца работа над гримом Суванкула — мужа Толгонай, героически павшего на полях сражений с гитлеровским фашизмом. Очередная репетиция над «Властью тьмы» Л. Толстого на сцене училища. Необходимо полистать литературу по драматургии Н. Погодина, пьесой которого театр Н. Охлопкова намерен отметить юбилей Великого Октября. Подготовка к вечернему спектаклю, наконец. Одним словом, обычный трудовой день человека, умеющего и любящего жить, постоянно ощущая, что времени недостает еще и для многих других дел.

Впрочем, так же полно стремятся жить и трудиться его земляки, современники, вечерами спешащие на огонек старинных светильников у входа в театр драмы. Для многих из них встреча с искусством Виталия Венгера — настоятельная необходимость. Так спешат к старому товарищу, который может увлечь своими раздумьями, дать заряд устойчивой силы для новых дел, открытий, свершений. Признаюсь, что именно об этом спервоначалу подумалось мне, когда из телетайпной нашей редакции поступил лаконичный текст Указа Президиума Верховного Совета РСФСР о присвоении Виталию Константиновичу звания народного артиста республики. А подтверждением этих мыслей были многочисленные телеграммы в квартире артиста, аккуратно разложенные под вазой с букетом цветов, телефонные звонки иркутян, поздравлявших любимого артиста, звонки, которые то и дело прерывали нашу с ним беседу. Виталий Константинович, несмотря на уже обильно проступающую седину, походил на юного именинника. Немного растерянно разводил руками в ответ на очередной звонок и извинительно улыбался после возвращения из гостиной, где с улыбкой выслушивал от «заскочивших на минутку» знакомых и друзей полагающиеся при таком случае слова.

В доме был праздник. И никто не скрывал этого. Светились лица членов семьи. Шумно повизгивал Тузик. Важно выгибая спину, выпрыгивала на колени хозяйке усажая Тася. Виталий Константинович, одетый в модную рубашку, в галстуке, со вкусом подобранным под ее яркие тона, щедро раскрывал передо мной альбомы с пожелтевшими вырезками газетных рецензий, с любительскими снимками давних, но не позабытых премьер, с автошаржами и набросками грима и эскизов костюмов к большим и малым ролям, сыгранным на одной сцене — сцене театра имени Н. П. Охлопкова. Бережно вклеены сюда же и программки с лаконичными надписями режиссеров, и написанные на случайных открытках эмоциональные отзывы зрителей, и фотографии гастрольных поездок по городам и районным центрам области, а также в Кузбасс, на Урал, на Дальний Восток. На них запечатлены встречи с лесорубами в приленской тайге и воинами-дальневосточниками, с энергетиками Братска и самодельными артистами с Байкало-Амурской магистрали... Немало радостных минут случалось при этом испытать большому артисту. Это зримая награда за самоотверженность, поиск, за преданность избранному делу, за бескомпромиссное отношение к собственному творчеству.

Старый, старый рояль занимает большую часть комнаты, в которой обыкновенно работает артист. Это рояль дочери Наташи — студентки консерватории. Дочь, как и отец, тоже избрала нелегкую стезю творчества.

— Виталий Константинович, скажите, пожалуйста, в вашей семье кто-то уже имел отношение к искусству? — задаю собеседнику первый вопрос.

— Насколько мне известно, никто, — с улыбкой признается Венгер. — Отец, правда, сносно играл на скрипке и на фортепиано. Но был самоучкой, «слушачом». Занимался музыкой редко. Служил он в Наркомате внешней торговли и в нашем доме на Каляевской улице в центре Москвы появлялся очень поздно. Я первым в семье почувствовал в себе неодолимое желание стать артистом.

Правда, появилось оно не сразу. Поначалу Виля мечтал стать дипломатом — это были годы, когда семья жила в Германии, куда направили отца. Потом одолела страсть носить солдатскую форму: началась война в Испании, и все московские подростки стремились попасть в Валенсию и под Мадрид. Но ему почему-то приходилось довольствоваться ролью немецких офицеров в

школьных скетчах. Пожалуй, впервые почувствовал он особый интерес к театру, когда его с матерью и сестрой эвакуировали в годы Великой Отечественной войны в Барнаул. В городе ставили спектакли несколько театральных трупп, переехавших с Украины. Виля не пропускал возможности попасть на их постановки.

— И все-таки с театром у меня все произошло чисто случайно, — продолжает Виталий Константинович. — В сорок пятом мы вернулись в Москву, с фронта пришел отец, жили, как и все тогда, голодно. Мальчишки не прочь были между хоккеем и футболом подработать. В нашем дворе жила такая квадратная, маленькая женщина, которой мы часто кололи дрова, а она взамен угощала нас чем-то. Звали ее Галина Григорьевна Коган. Однажды она стала расспрашивать, кто из нас кем мечтает стать. Я откровенно признался, что вижу себя моряком дальнего плавания. Но соседка, обратив, по-видимому, внимание на мое увлечение то и дело копировать речь и повадки друзей, сказала: «Тебе надо попробовать себя в театре!».

Уже много позже Виталий узнал, что Галина Григорьевна заведует кафедрой марксизма-ленинизма в Щукинском училище при театре имени Вахтангова. Она доставала для него контрамарки в этот театр, а затем познакомила и со своими учащимися. Но сначала Виля сделал попытку поступить в студию при Камерном театре.

— Очередного набора в Щукинское надо было ждать целый год, а ждать уже было невозможно: захотелось немедленно попытать счастья, — усмехается Виталий Константинович. — Первый блин вышел комом. В списках принятых в студию я не значился. Отец заинтересовался: «Почему?» Ответили коротко: «По профнепригодности». Потом он долго объяснял мне, что это означает...

Ребята из Щукинского посоветовали ему начать серьезно готовиться к экзаменам. Помогли познакомиться с актером театра транспорта (теперь театра им. Гоголя) Черволенко. Юрий Тихонович и стал его первым театральным учителем. Он помог Виле подобрать такой широкий по диапазону репертуар, который позволил строгим экзаменаторам увидеть заложенные в юноше возможности разнохарактерного артиста.

— После неудачи в студии я готов был принимать любые советы, нравочения, лишь бы приняли. Оттого и попал впросак. Шефствующие надо мной старшекурсники «посоветовали» во время чтения крыловской басни «Волк и ягненок» произнести слова: «А ты, подлец, своим нечистым рылом...», глядя в упор на лысого толстяка, сидящего в центре комиссии. Я послушался, да еще и пальцем ткнул. Раздался взрыв хохота. Я растерялся... А через несколько дней тот толстяк Борис Евгеньевич Захава — один из руководителей училища — показывая на меня, говорил сорока зачисленным из 850 желающих:

— В театре нахальство не пройдет, а вот смелость непременно нужна.

Виталий Константинович! Можно сказать, что человеку редко удается осуществить все свои желания. Вам повезло. Вы были, правда, на сцене, и солдатом (Муса Валиев в спектакле «Люди, которых я видел» по пьесе С. Смирнова), и морским офицером (Куклин из «Океана» А. Штейна), и дипломатом (Мейсон в «Дипломате» С. Алешина). Видимо, такой широкий диапазон желаний и следует считать основным стимулом для решения стать театральным артистом?

— Скорее всего так. Но, кроме желания, необходимо иметь и заложенные природой данные. В Щукинском училище, в котором я учился на курсе, руководимом непосредственным учеником Евгения Багратионовича Вахтангова Л. М. Шихматовым, особое внимание уделялось, наряду с занятиями по мастерству актера, сценическому движению, танцу, вокалу. У нас была и особая атмосфера прилежания и трудолюбия, потому что рядом занимались люди, прошедшие войну. Среди них — сегодняшние вахтанговцы Николай Тимофеев, Юрий Катин-Ярцев. Они многое успели повидать, о многом просто и откровенно рассказывали. Мне этот багаж пригодился. Я вообще старался всегда следовать тому, что «набрал» в училище. Р. Н. Симонов, под руководством которого мы ставили сцены из гоголевской «Женитьбы», и В. И. Моквин помогли постигать науку выпукло, зримо представлять себе персонажи, лепить пластику образа, В. Г. Кольцов — «вспахивать» психологические планы роли. Е. Р. Симонов ставил водевили, в которых получили завершение мои занятия сцендвижением, фехтованием, вокалом.

Приносят очередную поздравительную телеграмму.

— Из Москвы, — протягивая мне, говорит, заметно волнуясь, Венгер.

Вот ее текст: «Дорогой друг Виля. Радуюсь вместе с вами званием народного артиста. Поздравляю тебя, семью. Ты замечательный вахтанговский артист. Желаю новых успехов. Целую крепко. Юрий Катин-Ярцев, Михаил Ульянов, Сергей Евлахишвили. Однокурсники».

— Вахтанговский артист... Вы уже 27-й сезон связаны с иркутским театром. Не сложно ли «на расстоянии» продолжать следовать идеям и стилю вахтанговцев в искусстве? И если можно, охарактеризуйте, что подразумеваете вы сами под словами «вахтанговский артист»?

— Да, в 1950-м приехал в Иркутск, хотя мог остаться в Москве на выходных эпизодах в театре имени Маяковского. Но решил, что сидеть с дипломом и ждать «у моря погоды» — зря тратить время. Хотелось играть много. Было несколько приглашений «провинцию». Выбрал далекий Иркутск, где во главе труппы стоял известный режиссер народный артист Белоруссии В. Я. Головчинер. До сих пор считаю свой выбор правильным. Хотя, конечно, за столько лет всего довелось испытать. Были и заманчивые приглашения, в том числе в московский «Современник», появлялось и у самого желание уехать, но решил не испытывать судьбу: иркутская сцена принесла удовлетворения во много раз больше, чем разочарования. И это, как мне кажется, удалось благодаря традициям хорошей ансамблевости — характерной черты иркутского театра. Наряду с концентрированным стремлением проникнуть в драматургическую первооснову, вахтанговские принципы обязывают к поиску яркой, внешней формы проявления. Вахтанговского артиста отличает умение фантазировать, талант сочинять роль, следуя, естественно, за автором пьесы и постановщиком спектакля.

— Сочинительство не приводило вас к конфликту с режиссерами? Вам ведь пришлось сотрудничать со многими из них.

— Когда в творчестве шел длительный, прямо скажу, период увлечения наклейками, бордками, гримами, акцент на пластическом рисунке, не подкрепленный психологической разработкой партитуры роли, такие конфликты были часто. Сейчас я тоже не считаю себя очень удобным для режиссера артистом, но конфликты следуют иногда по другой причине. Мое кредо — «понять режиссера». Поэтому я люблю задавать вопросы. Внимательно слежу за логикой развития режиссерской концепции спектакля, моей роли. Потом «забираю» все это и говорю: «А сделаю все по-своему, пропустив через себя». Умный режиссер, а с таким я и люблю работать, понимает, почти доверяет мне, и — никаких конфликтов. Другой пытается «показать, как надо», тогда я противлюсь...

— Я прочитал много теплых слов в ваш адрес, сделанных режиссерами в день той или иной премьеры, но особенно запоминаются пожелания заслуженного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии А. Н. Терентьева. Что вам принесло творческое содружество с ним?

— Александр Николаевич занимает особое место в моей театральной жизни. Он первым подтолкнул меня — артиста традиционно острохарактерного — к ролям героического, высокогражданского накала. Сначала это был Муса Валиев, а затем Виктор в «Варшавской мелодии» Л. Зорина, Блохин и, наконец, Родион Николаевич из «Сказок старого Арбата» и «Старомодной комедии» А. Арбузова. Я был поставлен как артист, как коммунист перед решением сложных, необычных задач. Их осуществление принесло большую творческую радость, позволило, что называется, вздохнуть широкой грудью. И теперь я постоянно испытываю недостаток в ролях именно такого плана.

Добавлю, что именно за эти работы артист был удостоен высокой награды Родины — ордена «Знак Почета».

— Виталий Константинович! Вы сыграли немало отрицательных персонажей. Какой из этих образов вам... наиболее дорог?

— Конечно же, Набекки-нож из «Трехгрошового романа» Бертольда Брехта. В этой роли артист, как принято говорить, купается.

— Это была ваша единственная встреча с Брехтом?

— К сожалению. Такая многоплановая драматургия помогает артисту расти вибри и вглубь. Я мечтал и мечтаю сыграть брехтовского Уи в «Карьере Артуро Уи», шекспировского Ричарда III, Карла Моотра в «Разбойниках» Шиллера. Как видите, не все еще мечты сбылись.

Венгер задумался о чем-то своем. Переменял взгляд артиста. Уже как бы не замечая моего присутствия, он уходил в себя, готовил свое сердце, мышцы к тому, чтобы предстать на подмостках сцены в образе Суванкула из пьесы Ч. Айтматова. А может быть, он и не расставался с ним после вчерашней премьеры и во все время нашей беседы?

Я заторопился прощаться. По-своему истолковав мое желание уйти, он мягко и широко, «по-венгерски» улыбнулся:

— По секрету скажу. Начали с нашим главным, Григорием Владимировичем Жезмером, и режиссером Борисом Самойловичем Райкиным трудиться над Костей-капитаном из годовинских «Аристократов». Пока идут прикидки. На гастролях развернемся вовсю.

Опять задумался на секунду:

— Не знаю, что получится: ишу.

С. АЛТУНЯНЦ.

НА СНИМКАХ ВНИЗУ: В. Венгер в ролях Кречинского [«Свадьба Кречинского» А. Сухово-Кобылина] и Мусы Валиева [«Люди, которых я видел» С. Смирнова].

Фото В. КАЛАЙНОВА.

